

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**

КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

**СТЕНЛИ
МИЛГРЭМ**
ФИЛИП
ЗИМБАРДО

ПОДАВЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ

**КАК ЛЮДИ ТЕРЯЮТ
ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ?**

**Стэнли Милгрэм
Филип Джордж Зимбардо
Елизавета Михайловна Бута
Подавляй и властвуй. Как
люди теряют человечность?
Серия «Человек преступный.
Классика криминальной психологии»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68755575

*Подавляй и властвуй. Как люди теряют человечность? /Милгрэм С., Ф.
Зимбардо Ф., Сост. Е. Бута.: Алгоритм; Москва; 2023
ISBN 978-5-907363-38-0*

Аннотация

Если приказать человеку бить током другого за неправильные ответы, то он будет следовать приказу до тех пор, пока не убьет. Если предложить человеку стать надзирателем в тюрьме, где содержатся его же однокурсники, то в первый день он будет всеми возможными способами избегать необходимости проявлять жестокость, но только в первый день, а потом эксперимент придется остановить из-за случаев неконтролируемой агрессии со стороны группы надзирателей. Что значит для человека

авторитет? На что он готов пойти ради одобрения общества? Какие преступления можно совершить по приказу, а какую черту здоровый человек не переступит никогда? Есть ли вообще такая черта? Ответы на эти вопросы вы найдете в книге двух лучших социальных психологов XX века.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	6
Стенли Милгрэм	15
Индивид и подчинение	15
Некоторые условия подчинения и неподчинения авторитету	36
Терминология	37
Экспериментальная выборка	39
Общая лабораторная процедура	40
Пилотажные эксперименты	44
Фактор пространственной близости жертвы	46
Присутствие авторитетного лица	58
Состояние испытуемых	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

**Стэнли Милгрэм,
Филип Зимбардо
Подавляй и властвуй.
Как люди теряют
человечность?**

Составление и редакция Елизаветы Бута

издательство

алгоритм

© Елизавета Бута, составление, 2023

© ООО «Агентство Алгоритм», 2023

Введение

В 1974 году сербская художница-акционистка Марина Абрамович решила устроить перформанс. По большому счету, именно с этого эксперимента и начался современный этап акционизма, но тогда никто настолько серьезно к готовящемуся действию не относился. День клонился к вечеру, а небольшая галерея современного искусства в Неаполе наполнялась людьми. Марина стояла в зале у большого окна и наблюдала за присутствующими. В просторной комнате с абстракционистскими картинами на стенах сейчас было только стайка модных фотографов, пара зевак и несколько светских львов и львиц из числа ценителей искусства. Все они с интересом поглядывали на художницу, но подойти к ней почему-то не решались. Девушка была сейчас так сосредоточена, что к ней побаивались приближаться, хотя многие пришли сюда именно ради нее.

Вдруг двое ее приятелей, которые всё это время ошивались неподалеку, молча вытащили из подсобки небольшой стол, наподобие школьной парты, на котором громоздились самые разные предметы: цветы, какие-то перышки, краски, ножи, веревки, пистолет... По какому принципу соединены эти предметы, понять было невозможно, но пара светских львов тут же начали с интересом рассматривать инсталляцию, пытаясь найти смысл там, где его не было.

В этот момент Марина взяла со стола небольшую плашку и вышла вместе с ней в центр комнаты. Взгляд ее застыл, в зале стало тихо, а стрелки часов начали обратный отсчет. Кое-кто попытался подойти к ней и заговорить, но художница никак на это не отреагировала, только руки, держащие табличку, чуть дрогнули, что и заставило посетителя прочитать наконец небольшой текст на листе картона:

«Инструкции: на столе лежат 72 предмета, которые можно применять ко мне как хочется. Перформанс. Я – объект. В этот промежуток времени я несу полную ответственность. Длительность: 6 часов (8 часов вечера – 2 часа ночи)».

Фотографы поняли, что эксперимент начался, и стали неохотно делать снимки, но стоящая рядом со столом девушка выглядела в кадре не очень-то интересно. Пара человек опустили свои объективы, в ожидании чего-то интересного, а один журналист вдруг подошел к столу, взял перышко и поднес его к щеке девушки. Та моргнула от легкого прикосновения пера к щеке, и эта реакция невероятно воодушевила посетителя.

Еще минут тридцать люди по очереди подходили к художнице, чтобы нарисовать ей что-то на руке, пощекотать или просто ткнуть пальцем, а потом кому-то пришла в голову написать ей на лбу непристойное слово. Эта выходка взбудоражила толпу куда сильнее, чем все предыдущие щекотания перышком. И вот уже кто-то взял со стола нож, с

преувеличенным вниманием перечитал текст на табличке, и поднес нож к шее девушки. Организаторы выставки бросились было остановить остроумца, но тот управился быстрее. Несколько смущенно давая понять охране, что он не собирался никого убивать, а просто хотел сделать небольшой надрез на коже в районе шеи, парень отложил нож в сторону и, подняв руки на головой, попятился назад, желая смешаться с толпой несколько ошарашенных зрителей. Тем временем из раны начала сочиться кровь, небольшими каплями пропитывая бурым блеском футболку художницы. Быстро отошедший от первоначального шока следующий гость выставки решил избавить девушку от запачкавшейся одежды и при помощи всё того же ножа разорвал футболку. Окровавленные лохмотья остались лежать на полу.

За какой-то совсем небольшой промежуток времени посетители выставки сажали девушку на колени, связывали ее и пинали, затем поднимали с колен, чтобы оставить на белоснежной коже художницы непристойные надписи и содрать остатки одежды, а затем вновь поставить на колени. Через пару часов девушка стояла практически нагая перед своими истязателями, а гости теперь даже не смотрели на легкомысленные перья с фломастерами на столе. Они брали лишь острые предметы и веревки, связывали художнице руки и вспарывали ей кожу.

«Я чувствовала себя изнасилованной, они срезали одежду, они втыкали мне в живот шипы роз,

приставляли пистолет к моей голове, другой бы сломался».

Марина Абрамович

Когда пошел последний час эксперимента кто-то все же взял со стола тот единственный предмет, к которому до сих пор ни один из участников действия не решался прикоснуться. Это был заряженный пистолет. Посетитель сначала направил его на Марину. Художница моргнула, но не прервала эксперимент. Гость выставки передал пистолет еще кому-то, а тот, в свою очередь, со смехом передал его следующему гостю. Людям нравилось наставлять на девушку пистолет и делать вид, что нажимают на курок. Распорядитель выставки несколько раз преувеличенно громко предупреждал, что пистолет заряжен, но это лишь подзадоривало людей. И вот кому-то – кажется, это был тот фотограф, который первым взял в руки нож – пришло в голову вложить в ладонь обнаженной, истерзанной, стоящей на коленях девушки, пистолет.

– Стреляй, я говорю, стреляй! – закричал кто-то из посетителей.

– Все, время вышло. Марина, время вышло! – закричал распорядитель.

На часах, которые все это время висели прямо напротив девушки, было два часа ночи. Художница начала медленно вставать, превозмогая боль в затекших от постоянного сидения на коленях ногах. В зале, который секунду назад бук-

важно громыхал от возгласов, улюлюканья и криков, воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Кое-кто бросился к выходу, чтобы поскорее покинуть галерею, а большинство людей с преувеличенным интересом стали изучать картины, висящие на стенах этого зала. Никто не решался посмотреть в глаза акционистки, над которой все они издевались на протяжении долгих шести часов.

Шесть часов потребовалось для того, чтобы люди утратили всякое подобие человечности. Не слишком ли быстро? Быть может, это были какие-то особенные, склонные к агрессии люди? Навряд ли такие придут в художественную галерею поздним вечером. Возможно, у нас просто неверное представление о том, что именно делает нас человеком?

Ильза Кох, супруга коменданта концлагеря «Бухенвальд» предпочитала носить перчатки из человеческой кожи, считая их модным аксессуаром. Это воспринималось как нечто пусть и немного эксцентричное, но не сказать, что из ряда вон выходящее. Вероятно, на это можно будет возразить, что Германия произвела в 1930-х и 1940-х годах XX века чудовищный эксперимент над людьми, превратив их в монстров. Никто из людей в «нормальных», «приличных» странах, конечно, на такое был бы не способен. Как ни печально это говорить, но это не так. В 1963-м году Стенли Милгрэм провел всемирно известный эксперимент с электрическим током. Он просил испытуемых бить людей током за неверные ответы. От 70 до 90 процентов людей не просто

соглашались на условия эксперимента, но и проходили тест до конца. За стеклом перед ними умирал от боли и корчился в судорогах актер, а испытуемые продолжали задавать вопрос, а при неверном ответе послушно увеличивали мощность подаваемого электрического тока. Их не смущали ни цифры на экране, ни отметка: «смертельно опасно» на пульте. Таковы ведь правила эксперимента. В 1971-м году Филипп Зимбардо провел свой знаменитый тюремный эксперимент. Ученый переоборудовал подвал Стэнфордского университета под тюрьму, набрал группу испытуемых и разделил их на «заключенных» и «надзирателей». Через неделю эксперимент пришлось свернуть из-за случаев неконтролируемой жестокости со стороны «надзирателей». Впоследствии, Зимбардо не раз критиковали за пристрастность и ангажированность в эксперименте. Согласно отчетам, психолог был максимально нейтрален и беспристрастен, однако, по воспоминаниям участников эксперимента, он явно подавал невербальные сигналы одобрения на жестокость. Но ведь ровно так выглядит схема любого буллинга, мобинга и других видов травли. Этот процесс всегда проходит с негласного, не вербализованного в приказ одобрения начальства. Травля ученика без невербального одобрения учителя практически невозможна. Впоследствии, эксперимент Зимбардо стали приводить в качестве классического примера жестокости, которая скрыта в каждом человеке, стоит ему только позволить ее проявить, но на деле все не совсем так. Экспе-

рименты Милгрэма и Зимбардо, перформанс Абрамович и ужасы концлагерей в середине XX века весьма ярко иллюстрируют вовсе не человеческую жестокость, но ровно то, из-за чего человек смог победить в естественном отборе и взять в свои бразды правления планету. Все это свидетельство патологической покорности и конформности человека как биологического вида. Мы всегда принимаем правила игры, какими бы они ни были. Для любого человека важно одобрение его стаи. Понимая, что вне стаи он не выживет, человек стремится соответствовать требованиям своего окружения.

Спросите себя: что будет, если вы на какой-то длительный срок окажетесь в обществе людей, где принято ужинать младенцами? Это непреложный закон, который ни в коем случае нельзя обсуждать, а то случится страшное (что именно страшное, лучше не уточнять, так даже лучше). В первый же вечер вы сядете за обеденный стол, а вот то, через какое время вы научитесь за ужином обсуждать особенности кулинарного искусства, и будет говорить о вашем уровне гуманизма. Это и позволило человеку победить в игре под названием «эволюция». Ни один другой вид не имеет такой острой зависимости от своей стаи, не способен так беспрекословно подчиняться. Впрочем, если «Общество любителей младенцев» разрастется, то это же качество сможет человечество и погубить. Как же этому противостоять? Как распадается это единство мнений? Достаточно просто одного человека в

этом обществе, который сможет сказать, что не будет придерживаться этого правила и не будет ужинать младенцами. Какое бы наказание по отношению к нему не было применено, оно будет менее ужасным, чем нечто невыразимо страшное, о чем даже говорить было в этом обществе нельзя. При чем здесь важна вербализация намерения. Намного эффективнее будет, если этот человек скажет, что не будет придерживаться этого непреложного правила из-за аллергии, а во все не потому, что он как-то против этого закона. Тут же появятся люди, у которых тоже как-то неожиданно аллергия образовалась. Если же человек молча саботирует закон, то на авторитет власти это никак не влияет. Авторитет власти снижается в геометрической прогрессии от каждого несогласного голоса. Если правила игры в том или ином обществе не соответствуют принципам выживания вида, то рано или поздно появляются «люди с аллергией», которые меняют правила игры до приемлемого уровня. Спустя какое-то время кто-то снова предлагает ввести традицию нездоровых ужинов, но рано или поздно общество и с этим справляется.

Кто же этот «человек с аллергией»? Далеко не всегда это пассионарное меньшинство, которое ведет общество к светлому будущему. Вовсе не обязательно, чтобы этот человек был Данко, вырвавшим сердце из груди, чтобы осветить путь будущим поколениям. Хорошо, если бы среди нас жили герои, но надеяться на появление таких статистических выбросов с точки зрения природы было бы не вполне разумно.

Слишком уж это ненадежно. Это люди, чей бэкграунд, ситуация и обстоятельства жизни не позволяют следовать заданным инструкциям. Допустим, и правда, аллергия. Вероятно, человек утром видел симпатичного младенца, а сейчас вот узнал об этом правиле. Остальные ведь не видели утром младенца и для них это безликий образ, а для одного – настоящий человек. Таких обстоятельств можно придумать достаточно много, чтобы природа была спокойна: в более или менее крупном сообществе всегда будет появляться достаточно людей, которые будут против противоречащих законам выживания правил игры. К сожалению, природа иногда ошибается, а возможно, условия жизни человека в XX веке слишком сильно изменились, здесь у биологов и социологов нет единого мнения. В свободном мире человек стал куда более конформным и управляемым. Или же он всегда был таким, а появление новых технологий – это лишь повод, чтобы мы еще раз задумались о себе и о том мире, в котором мы живём.

Елизавета Бута

Стенли Милгрэм

Нажми на кнопку – и убей

Индивид и подчинение

Экспериментальная парадигма – это всего лишь план поисковых работ. Она не гарантирует успеха и окупаемости затрат, а служит только отправной точкой для вступления в область неизведанного. После Второй мировой войны в социальной психологии были разработаны три основные экспериментальные парадигмы для изучения важнейших конфликтных ситуаций. В каждой из этих парадигм человек оказывается перед дилеммой, разрешить которую он может либо в соответствии с требованиями нравственности, либо поступившись ими. Первая дилемма – противоречие между истиной и мнением большинства – была исследована Ашем в его экспериментах по изучению феномена группового давления. Второй конфликт – конфликт между альтруизмом и личной выгодой, систематически исследованный Латане и Дарли. И наконец, третий тип конфликта – это конфликт между подчинением авторитету и совестью. Именно с ним сталкиваются испытуемые в моем эксперименте по изучению феномена подчинения.

В каждой из перечисленных парадигм индивиду приходится искать ответ на один из трех вопросов:

Как поступить: высказать собственное суждение или же согласиться с мнением группы?

Принять участие в бедах другого человека или остаться в стороне?

Выполнить антигуманные приказы авторитетного лица или проявить неподчинение?

Эти проблемы – не досужая выдумка социальных психологов, они являются неизменными атрибутами человеческой жизни. Каждому неизбежно приходится сталкиваться с ними уже в силу того, что он живет в обществе и является составной его частью.

Данные эксперименты объединяет одна важная черта: во всех случаях объектом исследования является морально значимый поступок. Они представляют интерес прежде всего потому, что позволяют выявить факторы, влияющие на вероятность совершения поступков, которые при всей их конкретности и определенности имеют отношение к столь важным и непростым вещам, как моральные ценности. Однако вклад социальной психологии в изучение проблемы ценностей в конечном счете является скорее интеллектуальным, чем моральным. Эксперименты, выполненные в рамках социально-психологической парадигмы, показывают, что при объяснении поведения человека в ситуации выбора невозможно ограничиться исключительно моральной оценкой, –

необходим всесторонний анализ ситуационных компонентов конфликта.

О возникновении самой идеи лабораторного исследования феномена подчинения подробно рассказывается ниже. Здесь я хочу только лишний раз подчеркнуть, что лабораторная парадигма попросту явилась научной формой выражения моей обеспокоенности проблемой подчинения авторитету, – обеспокоенности, порожденной ужасами Второй мировой войны и свойственной людям моего поколения, особенно евреям, к которым принадлежу и я. Вот как описывает известный социолог Сюзан Зонтаг чувства, которые она испытала, когда впервые увидела фотографии, сделанные в нацистских лагерях смерти:

...Первое знакомство с фотохроникой кошмара подобно откровению, это открытие, вполне вероятно, единственное в своем роде для современного человека, сопоставимо по своему значению с Богоявлением, только в отрицательном смысле. В моем случае это были фотографии из Берген-Бельзена и Дахау. Я увидела их случайно в одной из книжных лавок Санта-Моники в июле 1945 года. Подобного потрясения я никогда раньше не испытывала. Ничто из того, что я видела прежде (ни в жизни, ни на фотографиях) не задевало меня так больно и глубоко. С тех пор моя жизнь делится для меня на две части: до того дня, как я увидела фотографии (мне тогда было двенадцать), и после. И хотя я уразумела, о чем именно были те фотографии,

лишь несколькими годами позже, они, несомненно, оказали влияние на всю мою дальнейшую жизнь.

Холокост оставил след и в моей душе, и именно это обстоятельство обусловило мой интерес к феномену подчинения и стало отправной точкой для разработки конкретных форм его изучения.

В главе «Некоторые условия подчинения и неподчинения авторитету», рассказывается об экспериментах по изучению данного феномена, осуществленных до публикации моей книги.

Более полного описания проведенного исследования не существует. Впервые этот материал был опубликован в 1956 году в журнале *Human Relations*, а затем его перепечатал *American Journal of Psychiatry* в сопровождении критического разбора Мартина Орна и Чарлза Холланда. Эти ученые подошли к анализу моего исследования с точки зрения требуемых характеристик. Вскоре меня пригласили провести коллоквиум в Пенсильванском университете. Я предложил осуществить его в форме публичного диспута с профессором Орном. Орн любезно согласился и был, вероятно, удивлен не меньше, чем я, оказавшись в аудитории, до отказа забитой зрителями, предвкушавшими нечто вроде боя гладиаторов. Дискуссия прошла на самом высоком уровне и оказалась чрезвычайно продуктивной. В опубликованной в 1972 году статье «*Interpreting Obedience: Error and Evidence*» суммировано мое понимание феномена подчинения.

Неожиданной и довольно болезненной для меня явилась этическая критика моих экспериментов со стороны Дайаны Баумринд. Моим ответом доктору Баумринд стала статья «Этические аспекты изучения феномена подчинения», в которой я разъясняю свое видение поднятых ею этических проблем. Сейчас я хотел бы заострить внимание лишь на одном моменте. Лучшим моральным оправданием моих экспериментов является то, что они оказались приемлемыми для участвовавших в них людей. Я никогда не воспринимал всерьез критику, которая не учитывала эту толерантную реакцию испытуемых. Особенно это относится к критическим замечаниям, касающимся правомерности использования в процессе эксперимента своего рода фальсификаций (или «жульничества», как выражаются наши критики), в частности устройства, имитирующего генератор тока. Авторы этих замечаний, как правило, упускают из виду одно важное обстоятельство, а именно то, что мои испытуемые не возражали против использования данного устройства. Последнее слово при оценке этической стороны дела должно принадлежать участникам эксперимента, а не сторонним наблюдателям.

Феномены подчинения и неподчинения можно исследовать и в лабораторных условиях, но все же наиболее значимые формы их выражения мы находим в реальной жизни. Я начал проводить свои эксперименты в 1960 году. Через пять лет американцы оказались втянутыми в непопулярную

войну в Юго-Восточной Азии. Тысячи молодых ребят, спасаясь от призыва, сбежали в Канаду, другие объявили себя противниками войны и отправились в тюрьму. С некоторыми из них беседовал психиатр Уиллард Гэйлин; книгу которого «War Resisters in Prison» я рецензировал для журнала «Nation».

Социальная психология – дисциплина кумулятивная. Исследователи разной степени одаренности отталкиваются в своих поисках от открытий, сделанных их предшественниками. В одном из последних интервью доктор Ричард Эванс поинтересовался, от каких экспериментальных исследований я отталкивался, приступая к изучению феномена подчинения, затем мы обсудили этическое и социальное значение моих экспериментов. Привожу запись нашей беседы, сохраняя ее тональность и разговорный строй.

Эванс: Один из ваших экспериментов привлек особое внимание. В каком-то смысле он вырос из исследований, посвященных изучению феномена группового давления, вас же интересовало, как ведут себя люди, оказавшиеся в неизвестной им лаборатории и испытывающие давление со стороны авторитетного лица, экспериментатора. Как вообще у вас возникла идея такого эксперимента? Может, расскажете вкратце об этом?

Милгрэм: Зачастую бывает трудно назвать какой-то единственный источник идеи. Возникшая идея не обязательно

непосредственно связана с тем, над чем ты трудился в последнее время. В 1959–1960 годах я работал у Аша в Принстонском университете, штат Нью-Джерси. Я много размышлял о его исследованиях феномена группового давления. В числе критических замечаний, прозвучавших в отношении его экспериментов, было и такое, что они не обладают сколько-нибудь очевидной общественной значимостью. В самом деле, эксперимент, в котором испытуемые должны оценить длину отрезков, на первый взгляд представляется бессмысленным. Поэтому я задался вопросом: как наполнить этот эксперимент общечеловеческим содержанием, содержанием, которое было бы понятно и близко любому человеку?

Я рассуждал примерно так. Если бы давление группы выразилось не в том, что она навязывает индивиду, а побуждает его совершить некий поступок, то есть добивается от него чего-то более существенного, то мы придавали бы большее значение поведению, спровоцированному групповым давлением. Может ли группа, спросил я себя, заставить человека проявить жестокость по отношению к другому человеку? Я представил ситуацию, весьма похожую на ту, что была в эксперименте Аша. Здесь тоже были как подставные испытуемые, так и один наивный испытуемый, причем они имели дело уже не с отрезками, начерченными на листе бумаги, а с генератором электрического тока. Иначе говоря, я несколько модифицировал эксперимент Аша. В моем опыте группа должна была подвергать человека все более сильным и бо-

лезненным ударам тока, и вопрос заключался в том, насколько далеко пойдет испытуемый, следуя за группой. Это еще не эксперимент на подчинение, но уже шаг в нужном направлении.

Затем я стал размышлять, как это все устроить. Что принять в такой ситуации в качестве контрольной переменной? В эксперименте Аша такая переменная есть: это доля правильных ответов, данных испытуемым при отсутствии группового давления. Я сказал себе: «Ладно, предположим, я изучаю поведение человека в отсутствие группового давления. Но как тогда заставить испытуемого наращивать интенсивность ударов? Какая именно сила сможет вынудить его применять все более сильные удары?» И вдруг меня осенило: «Это должен быть экспериментатор. Именно он велит испытуемому постоянно наращивать мощность разрядов. Тут-то мы и посмотрим, как далеко пойдет человек, подчиняясь указаниям экспериментатора». В тот же момент я понял: вот она, проблема, которую я буду изучать. То был чрезвычайно волнующий момент. Я осознавал, что этот вопрос при всей его кажущейся простоте подлежит тщательному исследованию и точному измерению. Переменные, которые предстояло исследовать, были вполне очевидны; и в качестве зависимой переменной можно было принять такую мощность разряда, увеличить которую испытуемый отказался бы, невзирая на требования экспериментатора.

Эванс: Давайте немного уточним. Насколько я понимаю,

мы можем говорить о двух формах подчинения – о подчинении авторитету и о подчинении групповому давлению (или о молчаливом согласии с группой). Это разграничение кажется мне весьма интересным.

Милгрэм: У этих двух форм подчинения есть как общие, так и специфические черты. Общим является то, что в обоих случаях в результате внешнего социального давления человек отказывается от своего собственного мнения. Но вместе с тем имеется ряд факторов, отличающих одну форму подчинения от другой. Собственно говоря, для описания поведения испытуемых Аша больше подходит термин «конформность», тогда как поведение моих испытуемых есть не что иное, как подчинение. Человек демонстрирует конформное поведение в ответ на давление группы, но это давление не принимает форму конкретного требования. Наоборот, наличие явно выраженного требования может даже исключить конформное поведение. Участники эксперимента Аша, высказывая свои суждения о предъявляемых им отрезках, ощущали давление группы и соглашались с ее мнением, но при этом никаких явно выраженных требований там не было. В ситуации подчинения экспериментатор предписывает испытуемому придерживаться совершенно определенной линии поведения. Это первое различие.

Второе, и очень важное, различие заключается в том, что в случае конформизма, как показывают эксперименты Аша, мы имеем дело с процессом, конечным результатом которо-

го является гомогенизация поведения членов группы. Давление группы состоит вовсе не в том, что ты должен быть лучше или хуже меня, но в том, что ты должен быть таким же, как я. Подчинение, напротив, вырастает из дифференциации социальной структуры. Здесь нет места допущению, что все мы одинаковы, – один из нас изначально имеет более высокий статус, чем другие. И твоя задача – не подражать ему, а выполнять его указания. В результате мы имеем не гомогенизацию поведения, а его стратификацию, своего рода разделение труда.

Есть еще одно различие, весьма важное с психологической точки зрения. Почти все испытуемые Аша после завершения эксперимента отрицали тот факт, что они пошли на поводу у группы. Даже когда экспериментатор указывал им на ошибки в их суждениях, они были склонны винить в них самих себя. Совсем иначе вели себя испытуемые, участвовавшие в моих экспериментах по изучению феномена подчинения. Эти полностью снимали с себя ответственность за собственные действия. Безусловно, есть нечто общее между конформностью и подчинением. В обоих случаях человек, испытывая на себе некое внешнее социальное давление, отказывается от личной инициативы. Но есть, как видите, и очень существенные различия.

Если проанализировать проблему в более широком, философском, контексте, то и здесь мы обнаружим разницу между конформностью и покорностью. В демократическом

обществе конформность выступает в качестве естественного источника социального контроля, поскольку приводит к гомогенизации поведения. Подчинение же в крайних его формах весьма характерно для систем фашистского типа, подразумевающих правовое неравенство разных членов общества. Не случайно в нацистской Германии так превозносились добродетель подчинения, да и сама философия нацизма строилась на основе идеи о низших и высшей расах. И то и другое всегда идут рука об руку.

Эванс: В контексте проведенного вами разграничения мне представляется небезынтересным порассуждать об одном соблазнительном пороке, присущем нашей культуре. Я имею в виду курение. Сейчас, по-видимому, уже можно считать доказанным, что человек начинает курить, подражая окружающим, то есть подчиняясь их давлению. С другой стороны, авторитетные лица постоянно говорят о том, что курение приводит к сердечно-сосудистым заболеваниям, раку и т. д. и т. п. Таким образом, человек одновременно испытывает на себе давление как со стороны равных себе, так и со стороны авторитетных лиц. Не могли бы вы прокомментировать эту ситуацию с точки зрения обозначенных различий между конформностью и подчинением?

Милгрэм: Попробую. Во-первых, нужно сказать, что в понятии «авторитет» заключено много значений. Когда мы говорим о медиках как об авторитетных людях, мы имеем в виду, что они обладают специальными знаниями. Это не со-

всем та форма авторитета, которая присутствовала в моих экспериментах. Там в качестве авторитетного лица выступал экспериментатор, и испытуемые смотрели на него как на человека, наделенного правом контролировать их поведение. Подросток, который видит на экране телевизора дяденьку, толкующего о вреде курения, понимает, что этот дяденька не имеет права запретить ему курение. Во-вторых, существует определенного рода конфликт между давлением группы и давлением авторитета. Один из моих экспериментов показал, что в тех случаях, когда группа восстает против экспериментатора, она существенно подрывает его власть. Думаю, что примерно то же происходит и в случае с курением. На вас оказывает давление официальная медицина, но оно зачастую нейтрализуется за счет влияния сверстников и других окружающих. В чистом виде подчинение возможно, по-видимому, только в экспериментальных условиях, в ситуации, подобной той, что была в моем базовом эксперименте. Тогда авторитетное лицо, экспериментатор, был наделен, так сказать, полной свободой действий, и никакие посторонние влияния, кроме протестов жертвы, не составляли противовеса его давлению на испытуемого. Разумеется, в реальной жизни человек испытывает на себе множество разнонаправленных влияний, которые нейтрализуют друг друга.

Эванс: Я хотел бы обсудить с вами один момент, о котором вы, несомненно, знаете лучше меня, потому что он непосредственно связан с вашими экспериментами. В последнее

время, отчасти благодаря деятельности Конгресса, отчасти в силу некоторых перемен в понимании морально-этических аспектов деятельности психолога-исследователя, мы все чаще задаемся вопросом о правомочности действий экспериментатора по отношению к своим испытуемым. Что касается вашего первого эксперимента по изучению феномена подчинения, то совершенно очевидно, что вы действовали строго в рамках этических норм, которые существовали тогда в психологии. После эксперимента испытуемые проходили дебрифинг, человеку, игравшему роль жертвы, не было причинено никакого вреда, и т. д. Но сегодня при вовлечении людей в эксперимент исследователь должен заручиться их «информированным согласием», и это требование создает серьезные проблемы. Как вы полагаете, удалось бы вам провести ваш первый эксперимент, если бы уже тогда перед вами стояла необходимость соблюдения данного этического требования? Предположим, вы задумали эксперимент, в котором испытуемый должен оказаться в стрессовой ситуации. Таковой может быть, например, ситуация, когда экспериментатор объявляет испытуемому, что тот сейчас получит удар током.

Милгрэм: Ну, прежде всего, до тех пор, пока эксперимент еще не состоялся, вы не можете знать, будет ли это стрессом для испытуемого. Испытуемый стоит перед выбором и должен принять решение, но мы не знаем, отреагирует ли он на это стрессовой реакцией. В процессе экспериментирования обнаруживается масса интересных вещей, о которых ис-

следователь раньше даже не догадывался. Все эти разговоры об «информированном согласии» предполагают, что исследователь заранее знает, каковы будут результаты его эксперимента. А это не про меня. Впрочем, это еще не вся проблема, а лишь один из ее аспектов. Другой аспект заключается в том, что в экспериментах используются различные технические иллюзии и испытуемые получают ложную информацию. Например, в моих экспериментах жертва вовсе не подвергалась ударам тока, хотя испытуемому и говорили, что она получает назначенное наказание. Но мы не должны забывать, что это эксперимент, в котором исследуется феномен подчинения, а значит, нам интересно поведение испытуемого, о чем сам он, естественно, не должен догадываться. Разве удался бы мой эксперимент, если бы мы сообщили испытуемым истинную его цель и посвятили их во все детали экспериментальных процедур? Это был бы уже совсем другой эксперимент. Наверное, можно разработать какую-то схему информирования, при которой людям в общих чертах объясняли бы, что их приглашают принять участие в психологическом эксперименте и что такого рода эксперименты сопряжены с использованием технических иллюзий, а иногда – с возникновением различных стрессовых ситуаций. Кроме того, можно было бы создать своего рода «банк потенциальных испытуемых», в который вносились бы имена людей, выразивших желание участвовать в психологических экспериментах. И затем можно было бы набирать для того или

инного эксперимента испытуемых из числа этих людей, которые в общих чертах уже представляют, что их ожидает. Возможно, таким образом нам удастся разрешить эту этическую проблему.

Эванс: Требование информированного согласия оспаривается еще и на том основании, что в психологическом эксперименте мы в конечном счете имеем дело с чисто феноменологической ситуацией. Разве можно назвать «информированным» согласие, данное человеком заранее, когда он еще не представляет, что ему предстоит испытать? Ведь невозможно заранее рассказать ему, какие чувства или ощущения могут возникнуть у него по ходу эксперимента. Чувственный опыт, в том числе боль, плохо поддается вербализации, не так ли?

Милгрэм: Да, ваше замечание в известной мере справедливо. Тем более что до начала эксперимента исследователь зачастую не знает, как будут вести себя испытуемые. Реакции на подобного рода ситуации могут быть самые разные. Например, девяносто из ста испытуемых отреагируют совершенно спокойно, но остальные десять испытают чувство тревоги. Значит, мы должны решить, являются ли реакции стресса и тревоги предметом психологического исследования. Неужели мы действительно намерены исключить все отрицательные эмоции из психологического эксперимента? Наверное, нам предстоит сообща искать ответ на этот вопрос, но лично я отвечаю на него «нет». В то же время это

не означает, что я выступаю за любые эксперименты.

Эванс: Скажите, вас удивила реакция, которую вызвали ваши опыты?

Милгрэм: Признаться, я был поражен обрушившейся на меня критикой. Я воспринимал свои эксперименты как поиск ответа на вполне правомерный вопрос: как далеко может зайти человек, если ему велят наказывать все более сильными ударами электрического тока другого человека? Мне казалось, что испытуемый в состоянии сам принять решение. Наверное, наивно было отталкиваться от столь шаткого предположения, начиная исследование.

Действительно, в своих экспериментах я использовал ряд технических иллюзий, что, однако, нельзя назвать жульничеством, которое подразумевает наличие каких-то корыстных мотивов. В конце концов, весь обман состоял в том, что «жертва» вовсе не подвергалась воздействию тока. Конечно, можно было бы последовать примеру тех исследователей, которые, изучая условную реакцию избегания травматического воздействия, подвергали людей довольно мощным ударам тока. Но я предпочел не делать этого, решив, что гуманнее будет создать лишь видимость применения подобных воздействий. Я убежден, что значительная доля критики, высказанной в мой адрес, была вызвана как раз самими результатами моего исследования. Если бы все мои испытуемые остановились на слабой или умеренной интенсивности тока, отказавшись от дальнейшего участия в эксперименте,

то это открытие было бы весьма обнадеживающим и вряд ли кто-то стал бы протестовать. Мы с вами наблюдаем весьма любопытную тенденцию, когда нежелательный или неприятный результат пытаются объяснить злонамеренностью экспериментатора. Как человек и как профессионал, я был бы очень рад, если бы люди, принимавшие участие в моем эксперименте, остановились на слабой интенсивности тока.

Эванс: Вас удивило, что они зашли так далеко?

Милгрэм: Да. Но даже и в том случае, если бы они не были столь послушными, это не помешало бы мне продолжить исследование. Просто я попытался бы выявить факторы, способствующие росту или, наоборот, снижению тенденции к подчинению. Конечно, кое-кто может сказать, что полученные результаты противоречат первоначальному замыслу исследования, – ведь многие показатели оказались размытыми, поскольку среди испытуемых преобладали слишком послушные люди. Однако говорить так могут лишь те, кто не видел той колоколообразной кривой распределения реакций, которая наиболее соответствует типичному распределению показателей в экспериментальном исследовании.

Эванс: Не могли бы вы прокомментировать заявления, прозвучавшие со стороны отдельных критиков как в ваш адрес, так и в отношении работы доктора Зимбардо? Кое-кто, особенно журналисты, высказывались в том духе, что ни вы, ни Зимбардо, проводя свои интереснейшие, захватывающие, уникальные эксперименты, никак не ожидали, что они вызо-

вуд столь мощный общественный резонанс, и будто бы лишь после того, как поднялась шумиха по поводу этических аспектов этих исследований, вы, желая объясниться, попытались экстраполировать ваши вполне конкретные открытия на более широкий круг явлений.

Так, например, доктор Зимбардо в настоящее время активно выступает за проведение тюремной реформы, полагая, что своим экспериментом он доказал человечеству, насколько ужасны места лишения свободы. Вы, со своей стороны, поднимаете вопрос об опасности авторитаризма в контексте американской культуры. Об этом говорится в вашей книге «Подчинение авторитету» (Obedience to Authority). К сожалению, мы не можем сейчас выслушать комментарии доктора Зимбардо. А каково ваше мнение по этому поводу?

Милгрэм: Свою первую статью о феномене подчинения (Behavioral Study of Obedience) я написал до того, как мои эксперименты получили широкую огласку. Подчинение рассматривается в ней как проблема, имеющая общественное значение. Так что утверждение, будто моя попытка придать этому вопросу общественное звучание мотивировалась желанием оправдаться, некорректно. И, честно говоря, такое недоброжелательное отношение меня огорчает. Я считаю, что для успешного осуществления любого дела необходима определенная моральная поддержка со стороны общества. Подобного рода обвинения, как мне кажется, проистекают из неверия в чистоту помыслов исследователя, что совершенно

несправедливо ни по отношению ко мне, ни по отношению к доктору Зимбардо.

Эванс: Возможно, были еще какие-то замечания подобного рода, задевшие вас, о которых мы не упомянули?

Милгрэм: Пожалуй, да, – это вопрос о допустимых пределах экспериментирования. Можно представить себе множество экспериментов, проводить которые просто нельзя. Я не против критики, в конце концов, она выполняет социально значимую функцию. Ученый хочет подвергнуть что-то исследованию. Общество в лице отдельных критиков устанавливает границы его исследовательской деятельности. В результате должно установиться определенное равновесие между научными и общечеловеческими ценностями, хотя, на мой взгляд, неверно думать, будто ученые ставят превыше всего свою науку. Во всяком случае, я к таким ученым не принадлежу. Можно придумать тысячу чрезвычайно полезных с точки зрения научного познания экспериментов, которые, однако, ты никогда не проведешь, потому что они идут вразрез с твоими нравственными принципами. Это не означает, что ты вовсе не думаешь о них. Можно представить, например, и такой эксперимент: новорожденных помещают на необитаемый остров и затем, если они выживают, наблюдают за их развитием на протяжении трех поколений. Такой эксперимент способен дать нам колоссальную информацию, но был бы чудовищно аморальным.

Эванс: Давайте теперь поговорим о другой, чрезвычайно

увлекательной области ваших изысканий, о вашем исследовании психологии городской жизни. Как раз в то время, когда вы приступили к изучению подчинения и порождаемой им жестокости, предметом общественного внимания все чаще становились инциденты, подобные нашумевшей трагедии, произошедшей с Китти Дженовиз, – случаи, в которых мы наблюдаем еще одну разновидность пугающе жестокого отношения к ближнему. Если в ваших исследованиях речь идет о готовности человека сознательно причинить боль себе подобным, то здесь жестокостью оборачивается всего лишь безразличие. В исследовании Дарли и Латане (Latane, Darley, 1970), а также во многих работах более позднего времени была предпринята попытка понять природу этой, если можно так выразиться, безучастности и попутно поднимается вопрос: имеются ли вообще хоть какие-то основания для того, чтобы говорить о человеческом альтруизме? Результаты проведенных исследований дают нам некоторый повод для оптимизма. Мне кажется, что вы в своем анализе психологии городской жизни (Milgram, 1970b) любопытнейшим образом расширили и углубили некоторые интерпретации. Было бы интересно узнать, что именно побудило вас обратиться к данной проблематике.

Милгрэм: Прежде чем ответить на ваш вопрос, я, если позволите, обозначу некоторые взаимосвязи между проблемой равнодушия и проблемой власти.

Эванс: Да, разумеется.

Милгрэм: Результаты исследований, посвященных изучению феномена стороннего наблюдателя, в большей или меньшей степени демонстрируют одну общую закономерность. По мере усложнения социальной структуры общества возникают специальные организации, наделенные властными полномочиями в определенной сфере, такие, например, как полиция, и им передается вся полнота ответственности. Показательно, что в случае с Дженовиз свидетели трагедии полагали, что это не их дело, что этим должны заниматься специально уполномоченные люди, полицейские. Особый трагизм ситуации состоит в том, что никто из свидетелей даже не позвонил в полицию. Есть еще один момент, о котором заставляют задуматься некоторые эксперименты Латане и Дарли. Я имею в виду их эксперимент с задымлением. Было обнаружено, что группа людей менее склонна реагировать на аварийную ситуацию, нежели отдельный человек. Этот эксперимент показал также, сколь неэффективным может быть поведение людей в отсутствие авторитетного лица. Неструктурированная группа, в которой нет авторитетного лидера, может функционировать крайне неэффективно. Как видите, каждая из проблем имеет несколько аспектов. В определенных обстоятельствах власть и ее агенты чрезвычайно полезны. Уверяю вас, власти и авторитета как таковых вообще не существовало бы в человеческом обществе, если бы они не выполняли важные адаптивные функции.

Некоторые условия подчинения и неподчинения авторитету

Ситуация, при которой один приказывает другому причинить вред третьему, возникает снова и снова, являясь важной темой человеческих отношений. Она мощно выражена в библейском сюжете об Аврааме, которому Бог приказывает убить сына. Не случайно Кьеркегор, обращавший свою мысль к главным темам человеческого опыта, избрал библейскую историю об Аврааме и Исааке в качестве отправной точки для своих философских построений.

В основе войны лежит та же ситуация: некто наделенный властью приказывает человеку уничтожить врага. Наверное, любую форму организованной вражды можно рассматривать как одну из вариаций следующей триады: авторитетное лицо, облеченное властью – исполнитель (эксекUTOR) – жертва.

Здесь приводится описание недавно осуществленного в Йельском университете экспериментального исследования, в ходе которого изучалась одна из частных форм выражения данного конфликта.

В самом общем виде проблему можно сформулировать следующим образом: если X приказывает Y причинить вред Z , то при каких условиях Y выполнит приказ, а при каких откажется исполнить его. Если несколько сузить вопрос и сформулировать его как задачу лабораторного исследова-

ния, он будет звучать так: если экспериментатор велит испытуемому причинить вред другому человеку, то при каких условиях испытуемый выполнит его требование, а при каких откажется повиноваться? Лабораторную проблему не следует воспринимать как ослабление или смягчение общей проблемы выбора, скорее это одна из конкретных, частных форм ее проявления.

Целью данного исследования было изучение поведения человека в ситуации, могущей иметь самые серьезные и далеко идущие последствия для ее участников, ибо комфортная, щадящая обстановка не позволила бы задействовать ряд психологических факторов, которые обычно присутствуют в реальной жизни.

Такой подход означал, что мы готовы взять на себя обязательства по защите благополучия и человеческого достоинства участников нашего исследования. По условиям эксперимента наши испытуемые оказываются в очень неприятном и трудном положении, и поэтому мы должны были принять меры, которые гарантировали бы их безопасность на тот период, пока они находятся в лаборатории. Для выполнения этой задачи была разработана специальная реабилитационная процедура, и все наши испытуемые прошли ее.

Терминология

Если Y выполняет приказ X, мы говорим, что он подчи-

няется Х\ если он не выполняет приказ Ху мы говорим, что он не подчиняется Х. Понятия подчинение и неподчинение в том смысле, в каком они используются нами, описывают только действия испытуемого и не несут в себе психологического содержания, т. е. ни в коей мере не указывают ни на мотивы этого действия, на сопровождающие его переживания и т. д.

Разумеется, повседневное употребление понятия подчинение и его синонимов далеко не столь однозначно. Это понятие описывает поведение внутри широкого круга ситуаций и подразумевает разнообразные мотивы поведения. Мотивы ребенка, который подчиняется воле родителей, отличны от мотивов солдата, выполняющего приказ. Отличаются они и от супружеской клятвы любви, верности и послушания. Однако все эти слова – «подчинение», «послушание», «повиновение», «покорность» – в сущности, описывают одно и то же поведение: любой акт подчинения предполагает, что один человек делает то, что велит ему делать другой. Мы говорим, что Y подчиняется X, если он выполняет указание X. Кроме того, термин подчинение предполагает, что ситуация, в которой взаимодействуют X и Y, включает в себя тот или иной вид отношений субординации, то есть содержит элемент иерархии.

Испытуемого, выполнившего все приказы экспериментатора, мы будем называть послушным (или покорным) испытуемым; того же испытуемого, который в тот или иной мо-

мент отказался исполнить приказ экспериментатора, мы будем называть непослушным, или непокорным, испытуемым. Эти определения описывают вполне конкретные действия испытуемого во время проведения опыта и не обязательно отражают его личностную склонность к подчинению или неподчинению авторитету.

Экспериментальная выборка

Во всех экспериментальных ситуациях нашими испытуемыми были мужчины в возрасте от 20 до 50 лет, проживающие в районах Нью-Хэйвена и Бриджпорта и имеющие различный образовательный и профессиональный статус. Для каждой экспериментальной ситуации, описанной в этом отчете, мы набирали по 40 новых испытуемых, причем каждая выборка была тщательно сбалансирована по возрастным и образовательно-профессиональным категориям. Процентный состав выборки по образовательно-профессиональному признаку был следующим: рабочие, квалифицированные и неквалифицированные, – 40 %; мелкие служащие, продавцы, предприниматели – 40 %; специалисты-профессионалы – 20 %. В каждую из перечисленных категорий вошли представители трех возрастных групп (испытуемые в возрасте 20–30 лет, 30–40 лет и 40–50 лет в соотношении 20, 40 и 40 % соответственно).

Общая лабораторная процедура

Нас интересует, в какой степени испытуемый готов подвергнуть другого человека наказанию током, если экспериментатор приказывает ему применять по отношению к «жертве» все более и более суровую меру воздействия. Акт наказания производится якобы в контексте исследования процесса обучения, под мнимым предлогом изучения влияния наказания на процесс запоминания. В каждой экспериментальной сессии помимо экспериментатора участвуют два человека: не посвященный в суть происходящего «наивный» испытуемый и «подставной» испытуемый («конфедерат»), помогающий экспериментатору. До начала опыта каждый испытуемый получает \$4,50. Во вступительном слове экспериментатор говорит о том, как мало ученые знают о действенности наказания и о его влиянии на память, а затем сообщает испытуемым, что один из них будет «учителем», а другой – «учеником». Испытуемые тянут жребий, однако при этом наивному испытуемому всегда достается роль учителя, а подставному – роль ученика. Ученика отводят в смежную комнату и привязывают к «электрическому стулу».

Наивному испытуемому говорят, что он должен зачитать ученику ряд слов, образующих ассоциативные пары, и затем проверить, насколько хорошо ученик запомнил слова. Всякий раз, когда ученик ошибается, учитель должен наказать

его ударом тока, нажав на тумблер электрогенератора. По условиям эксперимента, испытуемый должен постепенно наращивать интенсивность электрического разряда, увеличивая силу тока на одно значение с каждой ошибкой ученика. В соответствии с имеющимся планом ученик дает много неверных ответов, так что вскоре наивный испытуемый оказывается перед необходимостью применить самый сильный из предусмотренных ударов. Ученик реагирует на каждый последующий удар все более настойчивыми жалобами на боль и требованиями прекратить эксперимент. Однако экспериментатор жестко требует, чтобы испытуемый продолжал процедуру вопреки протестам ученика. Таким образом, испытуемый должен разрешить конфликт между двумя взаимоисключающими требованиями, поступающими из социального поля. Он может либо продолжить выполнение приказов экспериментатора и применять все более суровое наказание, либо, вняв мольбам ученика, отказаться от исполнения приказов. Наивный испытуемый подвергается синхронному воздействию двух разнонаправленных влияний, причем давление со стороны авторитетного лица вызывает все возрастающие протесты страдающей жертвы. Прежде чем приступить к рассмотрению результатов, необходимо прояснить некоторые технические моменты. При проведении опыта используется прибор, имитирующий генератор тока, на котором ясно обозначены 30 уровней напряжения в диапазоне от 15 до 450 вольт. (Каждому уровню соответ-

ствуется один из 30 тумблеров, расположенных друг за другом в горизонтальной плоскости.) Для того чтобы убедить непосвященного испытуемого в исправности прибора, ему наносят пробный удар током напряжения 45 вольт. На панели генератора имеются также и надписи: самый низкий уровень напряжения обозначен словами «Слабый ток», а наиболее высокому соответствует обозначение «Опасно для жизни».

Каждый раз, нажимая на рычаг, испытуемый слышит записанные на пленку голосовые реакции жертвы; причем каждому уровню напряжения соответствует определенная реакция. После применения удара в 75 вольт ученик начинает стонать и жаловаться на боль. После разряда в 150 вольт он требует прекращения опыта. После удара в 180 вольт он кричит, что не может больше терпеть. При ударе в 300 вольт он отказывается отвечать на вопросы учителя, заявляя, что больше не участвует в эксперименте, и требует, чтобы его отпустили.

Комментируя эту реакцию ученика, экспериментатор говорит наивному испытуемому, что отсутствие ответа следует расценивать как неверный ответ и наказывать за это в соответствии с инструкцией, подкрепляя свое требование словами: «У вас нет выбора, вы должны продолжать». (Этот императив звучит всякий раз, когда наивный испытуемый пытается прервать эксперимент.) Если испытуемый отказывается нанести жертве следующий, еще более чувствительный удар, эксперимент считается законченным.

В количественном выражении оценка поведения испытуемого приравнивалась к интенсивности последнего, самого мощного, разряда. Оценки, которые могут получить испытуемые, лежат в диапазоне от нуля (для тех, кто сразу отказывается от использования электрошока) до 30 баллов (для тех, кто доходит до максимального уровня напряжения). Таким образом, беря за основу цену деления шкалы на панели электрогенератора, для каждого испытуемого (и для каждой экспериментальной ситуации) можно найти точный цифровой показатель, отражающий степень подчинения испытуемого.

Вышеизложенная лабораторная процедура предоставляет нам базовую структуру для изучения поведения испытуемого в условиях конфликтной ситуации. Повторюсь: это конфликт между приказами экспериментатора, который требует, чтобы* испытуемый продолжал истязать ученика, и требованиями жертвы, все более настойчиво просящей о прекращении эксперимента.

Принципиально важно систематически варьировать факторы, которые предположительно могут повлиять на степень подчинения испытуемого приказам экспериментатора; это необходимо для того, чтобы понять, какие условия повышают вероятность подчинения авторитету, а при каких условиях в человеке просыпается дух бунтарства.

Пилотажные эксперименты

Пилотажные эксперименты, предварявшие данное исследование, были проведены зимой 1960 года; они отличались от нынешних опытов лишь некоторыми деталями процедуры. Например, в одном из пилотных экспериментов испытуемого и жертву разделяло амальгамированное стекло, так что испытуемый мог видеть расплывчатый силуэт жертвы (Milgram, 1961).

Хотя интерпретация результатов носила преимущественно качественный характер, те эксперименты подсказали нам ряд важных особенностей экспериментальной ситуации. Первоначальная процедура не предполагала обратной связи от жертвы. Мы полагали, что вербальные и цифровые обозначения на контрольной панели электрогенератора станут достаточно мощным противовесом давлению экспериментатора. Однако этого не случилось. При отсутствии протестов со стороны ученика практически все испытуемые, подчиняясь требованию экспериментатора, беспечно нажимали на последние рычаги, словно не видя надписей под ними: «Очень высокое напряжение» и «Опасно для жизни». Это лишало нас адекватной основы для оценки тенденции подчинения. Необходимо было ввести какую-то дополнительную силу, которая укрепляла бы сопротивление испытуемого приказам экспериментатора. Имея определенный разброс

критических значений силы тока, после которых испытуемые отказываются от продолжения эксперимента, мы могли бы говорить об индивидуальных различиях в степени сопротивляемости испытуемых.

Такой силой стали протесты жертвы. Сначала это были протесты в форме слабых возражений, однако этого оказалось недостаточно для того, чтобы уравновесить силу давления экспериментатора. Поэтому мы решили, что протесты жертвы должны быть более резкими и настойчивыми. К нашему ужасу, даже самые отчаянные протесты жертвы не помешали некоторым испытуемым применить к ней самое суровое наказание. Однако эти протесты все же вызвали определенный разброс критических значений и некоторое снижение среднего показателя покорности. Поэтому мы записали эти протесты на пленку, и они стали частью стандартизированной экспериментальной процедуры.

Вышеописанная ситуация не просто высветила трудности, возникающие при поиске адекватной экспериментальной процедуры, – она показала, что испытуемые будут гораздо более послушны, чем мы полагали. Кроме того, она помогла нам понять, насколько большое воздействие могут оказать протесты жертвы на поведение испытуемого.

Есть и другой момент, который привлек наше внимание в ходе пилотажных экспериментов. Испытуемые явно избегали смотреть на человека, которого они подвергали наказанию. Они смущенно отворачивались от него или смотрели

в сторону. Один из испытуемых объяснил эту реакцию так: «Я не хочу видеть, к чему приводят мои действия». Вот что написали по этому поводу наблюдатели:

...испытуемые избегали смотреть на жертву, которую они могли видеть через стекло. Когда им указывали на это, они отвечали, что им неловко видеть страдания ученика. Однако нужно отметить, что, вопреки своему нежеланию смотреть на страдания жертвы, испытуемые все-таки продолжали подвергать ее воздействию тока.

Таким образом, у нас появились основания предположить, что одним из факторов регуляции поведения испытуемых может явиться присутствие жертвы и возможность наблюдать ее реакцию. Если испытуемый, подчиняясь приказам экспериментатора, избегает при этом смотреть на жертву, то, возможно, следует ожидать снижения показателя подчинения по мере сокращения физической и психологической дистанции между испытуемым и жертвой? На этот вопрос должна была ответить первая серия регулярных экспериментов.

Фактор пространственной близости жертвы

Эта серия включала в себя четыре экспериментальные си-

туации, отличающиеся друг от друга степенью психологической дистанцированности испытуемого от жертвы, которую он подвергает наказанию электрическим током.

В первом случае в ситуации слабой обратной связи ученик находился в другой комнате и испытуемый не мог видеть или слышать его. Лишь после наказания разрядом мощностью в 300 вольт ученик начинал стучать в стену. После применения 315 вольт он совсем замолкал и уже не подавал признаков жизни.

Вторая ситуация (голосовая обратная связь) в целом была идентична первой, только теперь испытуемый мог слышать протесты жертвы. Как и прежде, жертва и испытуемый находились в смежных комнатах, но дверь была оставлена открытой, и учитель отчетливо слышал жалобы и протесты ученика.

Нелегко описать все особенности голосовых реакций жертвы, – у нас просто нет адекватной системы для словесного обозначения интенсивности голоса, его модуляций и тембра. А между тем эти характеристики играют решающую роль в создании эффекта интенсификации реакции по мере нарастания мощности электрического разряда (Полное представление о реакциях жертвы можно получить, только прослушав их в записи.) Если все же попытаться описать эти реакции словами, можно сказать следующее. Вначале ученик не проявляет признаков дискомфорта, и только после применения

удара в 75 вольт испытуемый впервые слышит недовольное ворчание жертвы. Такая же реакция следует за ударами в 90 и 105 вольт, а после разряда в 120 вольт ученик кричит экспериментатору, что ему больно. После применения тока в 135 вольт до испытуемого доносятся стоны ученика, а после 150 вольт ученик кричит: «Эй! Выпустите меня отсюда! Я больше не хочу участвовать в вашем опыте!» Эти крики звучат после каждого последующего удара, становясь все более громкими и требовательными. Получив удар в 180 вольт, ученик кричит: «Мне больно! Я больше не вынесу!», а удар в 270 вольт вызывает настоящий вопль. Все это время ученик требует, чтобы его отпустили, повторяя, что он не желает участвовать в эксперименте. После 300 вольт он в отчаянии кричит, что больше не будет отвечать учителю, а после 315 вольт, издав пронзительный вопль, вновь повторяет свой отказ. Начиная с этого момента он уже не отвечает по своему тесту и только издает истошные вопли в ответ на каждый следующий разряд. И так продолжается до удара в 450 вольт, хотя, разумеется, многие испытуемые решительно отказывались от дальнейшего участия и покидали лабораторию раньше.

Мы описали реакции жертвы в ситуации, когда она находилась в одной комнате с испытуемым. Для других ситуаций был разработан иной набор голосовых реакций, более интенсивных и требовательных. Естественно, для сопоставления результатов, полученных в разных экспериментальных ситуациях,

потребовалось установить новые критерии соотношения характера реакции с интенсивностью удара. У нас есть все основания полагать, что подавляющее большинство испытуемых, как послушных, так и непокорных, не усомнились в подлинности реакций жертвы. Доказательством тому служат: а) напряженное состояние испытуемых (см. раздел «Состояние испытуемых»); б) результаты заполненной испытуемыми «Шкалы болевых ощущений» (сразу после эксперимента испытуемых просили оценить, насколько сильную боль, по их мнению, испытывала жертва); в) субъективные отчеты о чувствах и переживаниях, полученные от испытуемых после эксперимента; г) ответы испытуемых на вопросник, разосланный им через несколько месяцев после их участия в эксперименте (ответы поддаются количественному анализу). Этот вопрос будет подробно освещен в моей монографии.

Третья экспериментальная ситуация (тесная пространственная близость) была аналогична второй, но с той разницей, что теперь жертва и испытуемый находились уже в одной комнате и сидели на расстоянии всего полуметра друг от друга. Таким образом, испытуемый имел возможность не только слышать, но и воочию наблюдать реакции своей жертвы.

Четвертая и последняя стадия этой экспериментальной серии, моделирующая ситуацию прямого физического контакта, была идентична третьей – за тем исключением, что

для получения электрического удара ученик должен был положить руку на прибор. Когда после разряда в 150 вольт ученик отказывался делать это, экспериментатор приказывал испытуемому, чтобы он самолично положил руку провинившегося ученика на прибор. Таким образом, подчинение приказу экспериментатора в данной ситуации требовало от испытуемого вступить в физический контакт со своей жертвой.

В каждой экспериментальной ситуации принимало участие сорок взрослых испытуемых. Полученные результаты показали существенное снижение тенденции подчинения авторитету экспериментатора по мере сокращения дистанции между испытуемым и жертвой. Средние показатели критической интенсивности электрического удара, после применения которого испытуемые отказывались от продолжения эксперимента.

Если говорить о процентном соотношении покорных и непокорных испытуемых в каждой экспериментальной ситуации, то здесь мы имеем следующие результаты: в первой ситуации отказались подчиниться экспериментатору 34 % испытуемых, во второй – 37,5 %, в третьей – 60 %, в четвертой – 70 %.

Как объяснить этот результат? Можно предположить, что по мере физического «сближения» с жертвой испытуемый все больше осознает тяжесть ее страданий и в соответствии с этим регулирует свое поведение. Такое истолкование не ли-

шено смысла, но наши данные не подтверждают его правомерности. Завершив эксперимент, мы просили каждого испытуемого оценить по 14-балльной шкале тяжесть страданий жертвы и не обнаружили по данному параметру сколько-нибудь существенных различий между четырьмя экспериментальными ситуациями. Поэтому можно предположить, что здесь задействованы иные поведенческие механизмы.

Провоцирование эмпатических реакций. Не только в тех случаях, когда испытуемый не получает обратной связи с жертвой, но даже и тогда, когда он слышит, но не видит свою жертву, он отчужден от ее страданий и мыслит их как нечто далекое и абстрактное. Умозрительно он понимает, что своими действиями причиняет другому человеку боль, однако этот факт лишь осознан, но не прочувствован им. Это довольно распространенное явление. Вспомним хотя бы события военного времени. Летчик, сбрасывающий бомбу, естественно, представляет себе, что он несет людям боль и смерть, но в этом знании нет аффективного компонента и потому человеческие страдания, ставшие результатом его действий, не пробуждают в нем эмоционального отклика. Вполне возможно, что визуальные сигналы, ассоциированные со страданиями жертвы, служат своего рода триггером эмпатических реакций, которые, в свою очередь, позволяют испытуемому более глубоко ощутить внутреннее состояние жертвы. Можно также предположить, что эмпатические ре-

акции могут побуждать и, порождая чувство дискомфорта, заставляя испытуемого искать выхода из ситуации, вызывающей эти реакции. Если это так, то последовательное снижение тенденции к подчинению в четырех экспериментальных ситуациях связано с последовательным увеличением разнообразия эмпатических сигналов.

Сужение когнитивного поля и защитный механизм отрицания. В ситуации, когда испытуемый дистанцирован от жертвы, возможно сужение когнитивного поля: жертва как бы выпадает из сознания испытуемого, акт нажатия на тумблер не ассоциируется с ее страданиями, и потому испытуемый не оценивает свой поступок в моральном плане. Когда жертва находится рядом, испытуемому гораздо труднее исключить ее из своего сознания. Она неизбежно вторгается в него, потому что находится в поле зрения испытуемого. В ситуации дистанцирования жертва напоминает испытуемому о своем существовании и дает ему знать о своих страданиях только после удара в 300 вольт. Однако эта обратная связь носит спорадический характер и к тому же быстро прерывается. В ситуации тесной пространственной близости, когда испытуемый имеет возможность видеть жертву, она становится постоянным элементом когнитивного поля, и здесь уже не может быть задействован механизм отрицания. Один из испытуемых – участников первой экспериментальной ситуации сказал: «Забавно, но, фактически, как-то даже забываешь о том, что за стеной сидит человек, хотя и слышишь

его. Какое-то время, причем довольно продолжительное, я только и делал, что читал надписи да щелкал тумблерами».

Реципрокные поля. В ситуации тесной пространственной близости не только испытуемый имеет возможность видеть жертву, но и ученик – наблюдать за своим учителем. Теперь уже и действия испытуемого становятся объектом наблюдения жертвы. Наверное, легче чинить неприятности другому человеку, когда он не видит тебя, нежели в том случае, когда он наблюдает за тобой. Если жертва следит за направленными против нее действиями, это может вызвать у исполнителя чувство стыда или вины, которые, в свою очередь, могут остановить его. В языке есть множество выражений, описывающих это чувство дискомфорта, а также подразумевающих недопустимость прямой конфронтации с другим человеком. Так, например, мы говорим, что гадость легче сказать «за спиной», чем «в лицо». Если мы лжем человеку, нам трудно бывает «смотреть ему в глаза». Мы «смотрим в пол», испытывая чувство стыда, и «отворачиваемся в смущении», стараясь избавиться от дискомфорта. Человеку, приговоренному к расстрелу, завязывают глаза, и смысл этого ритуала не только в том, чтобы уменьшить страдания жертвы, но и в том, чтобы избавить от стресса исполнителя приговора. Одним словом, когда испытуемый оказывается рядом со своей жертвой, он, несомненно, чувствует, что он более полно представлен в поле ее восприятия, и это может вызывать у него чувство неловкости, смущение и в конечном счете спо-

собно даже побудить его отказаться от применения наказания.

Феноменальное единство действия. В ситуации слабой обратной связи испытуемому трудно прочувствовать взаимосвязь между собственными действиями и последствиями этих действий для жертвы. Поведенческий акт и его последствия отделены друг от друга и физически и пространственно. Испытуемый производит свои манипуляции в одной комнате, а протесты и жалобы жертвы звучат в другой. Объективно эти два события коррелируют друг с другом, но субъективно они не складываются в неразрывное целое, образующее причинно-следственную связь. Осознание поступка, смысл которого можно выразить словами «Я причиняю боль человеку», затрудняется уже в силу пространственных параметров спланированной ситуации. В какой-то степени это схоже с исчезновением фи-феноменов, когда мигающие световые пятна слишком удаляются друг от друга.

В условиях третьей экспериментальной ситуации поступок приобретает уже несколько большую взвешенность, поскольку решение причинить человеку боль принимается и осуществляется в непосредственной близости от него. И наконец, лишь в ситуации, предполагающей возможность физического контакта, можно говорить о всесторонней взвешенности поступка.

Возникновение группы. То, что Жертва находится в другом помещении, имеет своим следствием не только ее отда-

ление от испытываемого, но и сближение испытываемого с экспериментатором. Мы имеем здесь дело с возникновением групповой структуры, включающей в себя двух человек – испытываемого и экспериментатора, тогда как жертва заведомо исключена из этой группы. Стена, за которой оказывается ученик, лишает его чувства контакта, которое доступно и испытываемому, и экспериментатору. В первой экспериментальной ситуации ученик, в сущности, выступает в роли изгоя, – он одинок и физически, и психологически.

В тех же ситуациях, когда жертва оказывается в той же комнате, что и испытываемый, у них появляется возможность объединиться против экспериментатора. Испытываемому уже не приходится в одиночку противостоять давлению экспериментатора – рядом с ним потенциальный союзник, который поддержит его, если он взбунтуется против приказов экспериментатора. Таким образом, изменение пространственного размещения участников опыта в различных ситуациях может повлечь за собой также изменение состава участников складывающихся альянсов.

Приобретение поведенческих диспозиций. Замечено, что белые мыши редко нападают на своих маленьких собратьев. Скотт (Scott, 1958) объясняет это обстоятельство механизмом пассивного торможения. Он пишет: «Будучи помещено в ситуацию, в которой отсутствуют условия или необходимость совершать определенные действия, оно [животное] научается не совершать эти действия. Это можно назвать

пассивным торможением. Данный принцип имеет огромное значение для воспитания миролюбия, ибо он означает, что человек может научиться не воевать, просто не воюя».

Точно так же человек может научиться не причинять вреда другим людям, просто за счет исключения из его опыта условий для причинения вреда. Однако такое научение происходит только тогда, когда человек находится среди других людей, – оно невозможно в ситуации, при которой человек физически исключен из социума. Можно также предположить, что в подобного рода научении немаловажную роль играет негативный опыт агрессии. Агрессия по отношению к тому, кто находится рядом с тобой, может вызвать ответную агрессию, и это негативное последствие может стать тормозом для агрессивного поведения.

Иначе говоря, человек понимает, что гораздо безопаснее проявлять агрессию «на расстоянии», когда ты недостижим для жертвы и она не может отомстить тебе. В результате соответствующего опыта поощрений и наказаний человек научается последовательно избегать ситуации «ближнего боя», что, однако, не мешает ему проявлять агрессию тогда, когда он физически недостижим для жертвы и не рискует своим здоровьем и благополучием. Возможно, этим механизмом объясняются различия в поведении испытуемых при разных условиях эксперимента.

Фактор пространственной близости, как одна из возможных переменных психологического исследования, до сих пор

не изучен должным образом. Если бы люди, как полипы, все время оставались на одном и том же месте, то это невнимание было бы объяснимо. Но мы находимся в постоянном движении, конфигурация наших пространственных отношений меняется от одной ситуации к другой, и факт близости или удаленности от другого человека может оказать мощное влияние на психологические процессы, которые опосредуют человеческое поведение¹. Наше исследование показало, что по мере того как жертва оказывалась все ближе к испытуемому, который по требованию экспериментатора подвергал ее наказанию посредством электротока, все большее количество испытуемых отказывались подчиниться эксперименту.

Разумеется, говоря о близости, соседстве, соприсутствии жертвы/экспериментатора или о том, что наличие жертвы становится все более ощутимым для испытуемого, мы используем эти понятия в широком смысле, да и сами эксперименты дают пример достаточно вольного обращения с изучаемой переменной. Для того чтобы точнее определить эту переменную, нужно провести эксперименты, в которых по отдельности исследовалась бы роль столь разных факторов, как пространственная близость, степень видимости, степень слышимости, наличие физической преграды между участниками и т. п. Физическое – зримое и осязаемое – присутствие жертвы становится мощным противовесом давлению экспериментатора, толкающим испытуемого на акт неповиновения.

Присутствие авторитетного лица

Если степень подчинения зависит от пространственной соотнесенности испытуемого и жертвы, будет ли она изменяться с изменением пространственных отношений между испытуемым и экспериментатором?

У нас есть основания считать, что, участвуя в опыте, испытуемый в своем поведении ориентируется прежде всего на экспериментатора, а не на другого участника. Испытуемый приходит в лабораторию, чтобы стать элементом структуры, разработанной экспериментатором. Он приходит не столько для того, чтобы понять свое поведение, сколько для того, чтобы сделать его объектом изучения компетентного специалиста, ученого, и он готов проявить себя так, как требует от него ученый. Большинству испытуемых явно не безразлично, какое впечатление они произведут на экспериментатора еще до начала опыта, и именно эта их общая озабоченность, вызванная новизной и непривычностью обстановки, мешает испытуемым почувствовать характер запланированной ситуации. Иначе говоря, испытуемый настолько поглощен стремлением произвести хорошее впечатление на экспериментатора, что влияния, исходящие из других участков возникшего поля взаимодействия, остаются незамеченными или попросту игнорируются им. Эта безоговорочная ориентированность на экспериментатора, которую мы наблюдали

у большинства испытуемых, как нам кажется, может отчасти объяснить их равнодушие к своей жертве. Это же наблюдение заставило нас предположить, что изменения в отношениях испытуемого и экспериментатора могут вызвать существенные изменения показателя степени подчинения.

Мы провели серию экспериментов, в которых варьировали фактор физической близости экспериментатора к испытуемому и степень его надзора за последним. В одной ситуации экспериментатор постоянно сидел рядом с испытуемым, в другой, проинструктировав испытуемого, он уходил из лаборатории и затем отдавал приказы уже по телефону. В третьей ситуации экспериментатор ни разу не появлялся перед испытуемым, – все инструкции были записаны на магнитофон, который включали в тот момент, когда испытуемый входил в лабораторию.

Удаление экспериментатора из помещения привело к резкому сокращению показателя подчинения. Количество послушных испытуемых в первой ситуации, когда экспериментатор не отлучался из лаборатории, почти в три раза превысило аналогичный показатель опытов, типичных для второй ситуации, когда он отдавал приказы по телефону.

Только в двух экспериментальных ситуациях (в ситуации непосредственного соседства жертвы и испытуемого, а также при возможности физического контакта) мы не могли использовать аудиозапись реакций жертвы. Однако актер, игравший роль жертвы,

демонстрировал те же реакции, что и в эксперименте 2 (где использовалась аудиозапись). Здесь есть о чем подумать: при соответствующем техническом обеспечении процедуры вся эта серия экспериментов, вероятно, могла бы быть проведена с использованием аудиозаписи.

Если в первой ситуации 26 испытуемых прибегли в качестве наказания к самому мощному из возможных воздействий, то во второй ситуации таких испытуемых оказалось только девять. (Хи-квадрат. Статистический метод сравнения наблюдаемых и гипотетических значений / числа послушных и непослушных в двух экспериментальных ситуациях: $df = 14,7$; $p < 0,001$). Разговаривая с экспериментатором по телефону, испытуемые проявляли большее упорство, нежели в прямом общении, в то время как удаление экспериментатора из лаборатории резко ослабило его власть над испытуемым.

Нужно также отметить, что в ситуации отсутствия экспериментатора испытуемые продемонстрировали любопытную форму поведения, с которой мы не сталкивались в первой ситуации. Некоторые испытуемые, хотя и не отказались от продолжения эксперимента, наказывали ученика более слабыми ударами, чем оговаривалось в инструкции, не сообщая при этом экспериментатору о нарушении процедуры. (Испытуемые не подозревали, что мощность каждого разряда автоматически регистрируется особым прибором (Esterline-

Angus event recorder), подсоединенным к генератору тока, благодаря чему мы получили объективную запись действий испытуемых). Более того, некоторые из них, разговаривая с экспериментатором по телефону, считали необходимым заставить его в том, что они все время наращивают мощность удара, как того требует инструкция, тогда как на самом деле неизменно применяли самый слабый из возможных ударов. Эта форма поведения кажется нам особенно интересной, поскольку испытуемые не могли не понимать, что их действия идут вразрез с заявленными целями эксперимента, но тем не менее предпочли разрешить конфликт именно так, не вступая в открытую конфронтацию с человеком, наделенным властными полномочиями.

В другой ситуации этой же серии опытов экспериментатор также общался с испытуемым по телефону, но возвращался в лабораторию, когда испытуемый решительно отказывался применить более сильный удар. Несмотря на то что возможность убедить испытуемого по телефону, казалось, была исчерпана, экспериментатор, самолично появившись в лаборатории, все-таки нередко добивался подчинения.

Данная серия экспериментов показывает, что физическое присутствие авторитетного лица может оказывать существенное влияние на степень подчинения испытуемого. Учитывая также результаты первой серии экспериментов, в которой варьировался фактор местонахождения жертвы, мы можем предположить, что поведение испытуемого в значитель-

ной степени контролируется своего рода силовыми полями, причем мощность влияния этих полей снижается по мере психологического отдаления испытуемого от их источника. Чем ближе оказывается испытуемый к жертве, тем труднее ему становится подвергать ее ударам тока. Взяв за константу взаимное положение испытуемого и жертвы и отдаляя экспериментатора от испытуемого, мы обнаружили, что испытуемому становится легче прервать эксперимент. Хотя на поведении испытуемого сказываются оба фактора, манипуляция с пространственным положением экспериментатора дала все же более яркие результаты. Степень подчинения деструктивным приказам изменяется в зависимости от пространственных отношений между авторитетным лицом и исполнителем.

Состояние испытуемых

Количественные результаты не способны в полной мере охарактеризовать поведение испытуемых, и поэтому нам кажется полезным дополнить рассказ о количественных показателях описанием общей реакции испытуемых на ситуацию.

Может сложиться впечатление, что испытуемый прерывает или продолжает эксперимент в соответствии с тем, что диктуют ему его совесть и темперамент. Однако это далеко не так. У большого числа испытуемых по ходу эксперимента отмечались мощные реакции эмоционального напряжения.

Люди потели, дрожали, заикались, кусали губы, стонали, когда обнаруживали, что все больше втягиваются в главный конфликт эксперимента. Запись высказываний испытуемых в момент отказа от дальнейшего участия в эксперименте может получить некоторое представление об их настроении. Вот высказывания двух непокорных испытуемых:

Он стучит?.. Ему больно? Ну, знаете, я не хочу отвечать, если с ним что-то случится. Нет, с меня довольно. Неизвестно, как он там сейчас. С ним может случиться сердечный приступ или что-нибудь еще, и кем я тогда буду чувствовать себя? Он стучит, он просит помощи. Ему явно плохо, иначе он не стучал бы так... Зачем это нужно – так мучить его? Просто не вижу смысла в этом.

Испытуемый отказывается нажать следующий тумблер. [Испытуемый 0108]

Тот человек, он стучит там. Он хочет, чтобы его выпустили... Мне очень жаль, но если человек не хочет, я должен остановиться... Я больше не хочу [в состоянии чрезвычайного возбуждения]... Я лучше верну деньги. Я не хочу причинять ему вред... Извините, но если он хочет выбраться оттуда, я больше не буду наказывать его. Никакие деньги не заставят меня причинить боль другому человеку. [Испытуемый 010X]

А вот запись высказываний послушного испытуемого. Вначале он был спокоен, но постепенно стал напряжен, и это напряжение росло по

мере продолжения эксперимента. После применения удара в 150 вольт он возбужденно заговорил с экспериментатором.

Испытуемый нажимает на кнопку 150 вольт. Мне продолжать?

165 вольт Он уже стонет. Здесь еще столько тумблеров! У него может быть сердечный удар. Мне действительно нужно продолжать?

180 вольт Нет, он не выдержит. Я не собираюсь убивать его. Вы слышите, как он кричит? Он же кричит. Ему больно. А если с ним что-то случится?.. Я не хочу делать ему больно. Он кричит, понимаете, кричит! Вы слышите? Зачем мне все это? Он не выдержит. Тут еще столько тумблеров! Господи, а если с ним что-то случится? Интересно, кто будет отвечать за это?

(Экспериментатор берет ответственность на себя). Ну, ладно, смотрите.

195 вольт. Боже, как он надрывается! Вы слышите? Как же так...

Экспериментатор: По условиям эксперимента вы должны наращивать силу удара.

– Да, я знаю, но понимаете... ну... он ведь не знает, через что ему предстоит пройти. Он просто не выдержит.

210 вольт

225 вольт

240 вольт Нет, с меня хватит. Что? Я должен продолжать? Нет, я не собираюсь убивать его. Тут есть и 450 вольт – это уже слишком. [Экспериментатор: По

условиям эксперимента вы должны наращивать силу удара]. – Я знаю, знаю, но ведь он кричит там...

Несмотря на то что испытуемый постоянно сопровождал свои действия весьма эмоциональными возражениями, он тем не менее до самого конца подчинялся приказам экспериментатора и в итоге применил самый сильный разряд тока. Мы имеем здесь любопытный пример несоответствия между поступком и словом. На вербальном уровне испытуемый проявил решительное нежелание продолжать процедуру, но в своих действиях шел на поводу у экспериментатора. Он не хотел подвергать жертву ударам тока, ему было чрезвычайно неприятно делать это, но он не смог достаточно энергично и убедительно сформулировать отказ от дальнейшего участия в эксперименте, который освободил бы его от власти экспериментатора. Многие испытуемые не могут найти нужной словесной формулы, которая позволила бы отказаться от навязываемой им роли. Возможно, в нашей культуре просто нет адекватных моделей для выражения непокорности.

Одним из любопытных проявлений внутреннего напряжения были регулярные приступы нервного смеха. В первых четырех экспериментальных ситуациях отчетливые признаки нервного смеха и нервные улыбки были отмечены у 71 из 160 испытуемых. Этот смех казался совершенно неуместным и производил странное впечатление. Приступы бурного, неконтролируемого смеха были отмечены у 15 испытуемых. С одним испытуемым случилась настоящая истерика: начав

смеяться, он не мог остановиться, и нам пришлось приостановить эксперимент. Позже в беседе испытуемые всячески старались дать понять, что смеялись вовсе не потому, что им нравилось подвергать жертву ударам тока, что их смех не следует воспринимать как проявление садизма.

После проведения опыта мы просили испытуемых оценить по 14-балльной шкале, насколько нервным и напряженным было их состояние в кульминационный момент.

Испытуемые могли выбрать оценку в диапазоне от «Не чувствовал никакого напряжения или нервозности» до «Был крайне напряжен и нервозен». Разумеется, такого рода самоотчеты не дают точной картины эмоциональных реакций, – в лучшем случае они помогают нам составить примерное представление о состоянии испытуемого. Однако, не переоценивая значения этих самоотчетов, мы тем не менее видим, что ответы испытуемых распределились во всем диапазоне оценок и что большинство испытуемых выбрали средние и максимальные оценки. Дальнейший анализ показал, что послушные испытуемые по сравнению с непослушными оценивают свое состояние на момент максимального напряжения как несколько более нервное и напряженное.

Чем объясняется это напряжение? Во-первых, оно указывает на наличие конфликта. Если бы склонность подчиняться авторитету была единственной психологической силой, действующей в данной ситуации, то все испытуемые без напряжения выполнили бы задание до конца. Напряжение, как

предполагают, является результатом одновременного присутствия двух или нескольких противоречащих друг другу тенденций реагирования (Miller, 1944). Если бы, напротив, единственным значимым фактором было сочувствие к жертве, то все испытуемые спокойно отказались бы подчиниться приказам экспериментатора. Однако мы получили и реакцию подчинения, и реакцию неподчинения, и обе эти реакции нередко сопровождалась крайним эмоциональным напряжением. Противоречие между двумя взаимоисключающими, но одинаково сильными поведенческими диспозициями – глубоко укорененным запретом на причинение вреда другому человеку, с одной стороны, и склонностью подчиняться вышестоящему лицу, с другой, – становится источником внутреннего конфликта. Испытуемый практически сразу же оказывается перед дилеммой, глубоко динамической по своей природе, и крайнее эмоциональное напряжение свидетельствует о том, что эти две противоположно направленные тенденции одинаково прочны и сильны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.